

В общем, жизнь этого человека — мало завидная участь бедности, бездомности, но тем не менее и такая жизнь, утверждает поэт, лучше смерти, поэтому человек должен благословлять любой жизненный удел:

Как жизнь та ни гусна, но я об ней жалею,
Я небом был покрыт, а днесь покрыт землею,
Мой дом был целый свет, а ныне тесный гроб.²

Таким образом, страх смерти заставляет поэта осознать, так сказать, биологическую ценность бытия вообще, ведет к признанию равноценности жизни — и плохой, и хорошей, свободной и угнетенной, так как любое из этих состояний все же лучше «могильного холода». Человек должен быть доволен любой участью.

Подобная философия не является своеобразным отличием творчества одного только Хераскова, она характерна для масонской поэзии как раннего, так и позднего периода, а также для чувствительно-меланхолической поэзии сентиментализма последующих десятилетий.

На страницах «Ежемесячных сочинений» эти настроения окрашивают поэзию всех сторонников Сумарокова. Они проникают и в прозаические статьи журнала. Так, в статье Ф. А. Полунина «Размышление о бессмертии души» красной нитью проходит мысль о временности человеческого бытия на земле, о необходимости готовиться ко вступлению в загробный мир: «... теперешнее наше состояние есть основательное начертание будущего. Нам на сем свете жить для того определено, чтоб мы приготовились к другому, и жилище сей земли дано нам как увеселительное место, на котором дух наш препровождает младенчество».³

Таким образом, масонские искания настойчиво проявлялись в разработке мотивов смерти и бессмертия, религиозно-мистического толкования этических проблем. Философская реакция становится отличительной чертой мышления дворянских поэтов, связанных с масонством, и это проявляется со всей отчетливостью в период полемики в «Ежемесячных сочинениях». На основании этого можно утверждать, что уже в 1750-е годы намечается та смена общественных интересов, которая характерна для сознания следующей литературной эпохи XVIII века — сентиментализма.

Ломоносов и его сторонники Н. Н. Поповский и А. Л. Дубровский резко противостояли подобным умнастроениям дворянской поэзии.

Хотя эта линия полемики проявлялась не так открыто, как в столкновениях по другим вопросам, тем не менее она представляет важное звено в единой цепи литературно-общественной борьбы той поры.

Материалистические устремления ломоносовской философии, которыми проникнута его научно-дидактическая поэзия, были в корне противоположны дворянской поэзии своим пониманием проблемы человеческой личности, смысла жизни человека, этических основ его общественного бытия. Ученик Ломоносова, А. Л. Дубровский в своей поэме «На ослепление страстями» по всем этим вопросам выступил против дворянской поэзии.

По жанру поэма Дубровского принадлежит к дидактической поэзии. Этот жанр, как известно, получил новое назначение в творчестве Ломоносова в таких произведениях, как «Письмо о пользе стекла», как оды «Утреннее и вечернее размышление о божием величестве» и другие, где основная цель заключается не в моральном поучении, а в пропаганде передовых естественно-научных воззрений.

² Там же.

³ Там же, ноябрь, стр. 446. Статья представляет перевод из журнала «Der Pilgrim», издававшегося в Кенигсберге в 1742—1744 годах.